

михаил немцев

<как в кино>

михаил немцев

<как
в кино>

par*les

Михаил Немцев

КАК В КИНО

2023

UDK 821.161.1-1
Н 50

Mihails Nemcevs
Kā filmās: Dzejoli
(krievu valodā)

Н 50

Немцев, Михаил

Как в кино: *Стихотворения*. — Ozolnieki : Literature Without Borders, 2023. — 100 стр. — (Paroles; вып. 2).

Михаил Немцев — поэт, философ, историк, публицист, педагог. Родился в 1980 году в г. Бийске (Алтайский край). Публиковался в журналах *Homo Legens*, *TextOnly*, «Ликбез», «Воздух», «Новый мир» и др. Автор книг «Тексты-двери» (Новосибирск, 2008), «Интеллектуализм» (Омск, 2015), «Смерти никакой нет» (Новосибирск; М., 2015, совм. с Иваном Полторацким и Дмитрием Королёвым), «Это будет бесконечно смешно» (Новосибирск; М., 2016, совм. с Иваном Полторацким, Дмитрием Королёвым, Андреем Ждановым), «Ясность и радость» (М., 2018).

Кураторы серии:

Юлия Подлубнова, Нина Александрова

Послесловие:

Александр Житенёв

Обложка:

Андрей Черкасов

Использован кадр из кинофильма Роберто Росселлини
«Рим, открытый город» (1945)

© Немцев М., 2023

© Житенёв А., послесловие, 2023

© Paroles, макет, 2023

© Черкасов А., обложка, 2023

ISBN 978-9934-9177-1-4

Посвящается Еревану

I

ЕСЛИ БЫ Я СНИМАЛ
НАСТОЯЩИЙ ФИЛЬМ
ПРО ВОЙНУ

ПОЛОЖА РУКУ НА СЕРДЦЕ

Когда они пришли за коммунистами, я молчал, —
ведь они пришли за коммунистами.
Когда они пришли за пацифистами, я молчал, —
ведь они пришли за пацифистами.
Они пришли за цыганами, но я тем более не цыган.

Я сочувствую коммунистам.
Я также сочувствую пацифистам.
Кроме того, я также сочувствую и цыганам.

Однако нам, не цыганам, не пацифистам и не коммунистам,
не о чем волноваться.

И действительно.
Положа руку на сердце, как говорится, бывало и хуже.

РОССИЯ ЖЖЁТСЯ

Яну Левченко

Россия жжётся.
Там внутри
всё время что-нибудь горит:
то эцилоппы проводят профилактические прижигания,
то блогеры из рядов своих выжигают скверну,
то друзья вжимают в приятельский бок огненный штамп «не наш»,
то искрит сам себе в суете предоставленный трансформатор,
а то кто-нибудь просто так получает пламенное взыскание.

Нам, на Севере,
такие горелки всегда нужны.
Мы к ним поплотнее жмёмся
и тем
согреты бываем.

ДВЕ ЛОЖКИ

Во время погрома всем есть какая-нибудь польза, каждому что-нибудь достаётся. Мне — родители подарили серебряные ложечки. Длинненькие такие, с узором и камушками на самом верху ручки. Когда я был маленький, я этими ложками осторожно играл. Когда я попрос, я просто так их хранил. Две чайные ложки. Потом я уехал в Австралию и женился на женщине со смуглым оттенком кожи, с курчавыми волосами. Сначала я думал, она не еврейка ли? Не еврейка, — она из тех, кто себя здесь называет «чёрные», blacks. Эти ложки теперь — в нашем домашнем музее, среди дорогих нам вещей, фотографий родителей и детей, сувениров из городов, где мы побывали. Господи, ты ведь недаром не слышишь меня, да?

21 марта 2017

СМЕРТЬ

о. Овсепу Меликсетяну SJ

«Наша смерть станет нашей победой».

Профессор чуть различимо шептал, умирая, эти слова
окружившим его з/к заполярного лагеря.

«Наша смерть станет нашей победой».

Он любил, и бывал любим,
и любил, когда его любят (там, в той жизни).

Он был попросту знаменит.

Лекции он читал на шести языках,
и ещё один выучил в старости. Переезжая из города в город,
убегая через границы,

он несколько раз начинал жизнь заново.

Но в лагере жизнь не начинают, её завершают.

Мысль: но Иисус, умирая, о победе не говорил.

А только: «Зачем ты меня покинул».

Профессор пробует оттянуть мешающий воротник.

Нечем дышать. Эти пальцы так деградировали теперь,

а когда-то он ими ощупывал своды
катакомбы под Ватиканом. Свет пробивался в чашеобразную щель,
в нём танцевали пылинки. Там пахло пылью, там тысячу лет
пахло пылью.

В бараке теперь пахнет гнилью
развешенных возле печки тряпок.

Нечем дышать. Пальцы не подчиняются. Да и всё тело,

оно больше не подчиняется.

«Мы умрём, но такая смерть — это и будет наша победа».
Он умер. Без восстания, без искупления,
перестал дышать, не был ни отпет, ни оплакан,
выброшен в ров, шмотки его достались другим з/к. Всё.

Не всё, ведь кто-то из них запомнил эти слова,
а после пересказал какому-то собеседнику,
а тот передал заинтересованному журналисту,
а тот написал статью, и мы теперь о них знаем.
И не учит ли эта притча тому, что смерть
как минимум не всесильна?

...Впрочем,
понимаю ли я, о чём говорю?
«В нашей смерти — наша победа».
Вероятно, здесь конъюктура: «В предложенных обстоятельствах».
Неужели, если бы мог,
он не выбрал бы для себя
умирать
как-нибудь по-другому?

Сентябрь — октябрь 2018

* * *

Телепровал с чёрной, но влекущей поэтикой ада здесь-и-сейчас.
Недомолвки, подгонки. Самолёт провалился в тартарары,
проявился с другой стороны земли,
притащил неизвестно откуда отряд вуду, теперь они
размножаются здесь и там.
Это клип скоростной, кто подсел на него, рискует
инерцией вспышек быть выброшенным из этого мира.
Наблюдатель здесь неуместен. (Наблюдатель — от слова «блюсти».)
Кирка, топор, штык-нож —
вот что сподручно, когда уже нет места «любви ненаучной».
И прочей любви вообще: пришли времена
размножения отпочковыванием.
Продолжая всего лишь смотреть, рискуешь ощутить себя сукой
(самкой нелепого, нездешнего миттельшнауцера).
Но ты продолжай смотреть. Утешенье, оно же подсказка:
разве из нас хоть один — не миттельшнауцер,
разве из нас хоть один — не чихуахуа
перед лицом недалёкой уже войны?

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЗБИГНЕВУ ХЕРБЕРТУ

...Собственно, ничего иного так называемая тирания тебе и не предлагает, кроме спокойной жизни.

Эти черти всё-таки лучше иных чертей, — говорит её придворный философ.

Утешительно, что по крайней мере от некоторых неудобств ты гарантирован.

Разве где-то живут лучше?

Демократические Афины приговорили к изгнанию куда больше своих философов, чем авторитарная Спарта — своих. Правда, в Спарте их вовсе и не было, но это неважно.

2. [Фильм «JUGEND»]

Маленький фильм, и в нём, как обычно: он в Нормандии,
полужёжа в неглубоком окопе,
ещё не знает — она сгорела под бомбами.

То есть она, для него, всё ещё ждёт,
и поэтому он рисует деревья, которые обещал рисовать,

когда она его проводила, уже
одетого по-военному, и обещалась ждать на этих самых холмах,

где они до того бродили,
в рубашках из гитлерюгенда, между собой говоря ерунду какую-то
о Париже, возможно, что не только бродят они и не только

целуются — это нам не показывают, а только показывают, что
он не успевает дорисовать, начинается бой, он ползёт,

не успевает ни разу выстрелить и
получает пулю, и она как будто приходит к нему по траншее,

уводя за собой в лучшее,
точней, не уводя никуда, и он умирает,

какой-то шотландский солдат осматривает его, находит
конверт, извлекает письмо,

оно ему не нужно и он уходит.

Этот маленький фильм волнует не только похожестью

на полузабытые детские
фантазии, мол, погибну под пулями некими,

и Ты в этот миг всё поймёшь (как мы знаем,
«её» в этот миг уже пару месяцев нет, вот и всё),

тем более если это — в замечательной роше;
эти картинки, они так банальны.

Волнует почти непристойная молодость персонажей.

И что на экране вообще-то — враг, об этом уже не думаешь,

на том свете

вероятней всего

оказаться рядом.

И не она ли за мной придёт, и не моя ли жена за ним?

3.

Ну, там, конечно, не только бомбят, ещё там целуются, расстаются, обнимаются, возвращаются.

Ну, иногда возвращаются.

А хоть бы и не

возвращались. «Важней не смерть, но мука» [Бродский].

Я тоже муха.

4.

Да,

многое из просмотренного в эти и прошлые дни

успешно соплагается

с воспоминанием, как я лежал с пробитым виском и колотой раной в боку, подброшенный на крыльцо фельдшерской станции в Исилькуле, который не помню, как не помню и тех

(трое их было), кто

возле вокзала позвал меня, «срисовав» приезжего махом.

Именно там я потерял столько крови,

сколько больше никогда уже не терял,

именно там я узнал... —

Дальше следует описание больничной палаты,

ноющей боли в позвоночнике, мыслей о мщении —

беспомощные, как беспомощен одинокий юноша

перед кучей ржущих голов,

но это не мои воспоминания. Это чужие

воспоминания. Для стихотворения было бы лучше, будь это мои

личные воспоминания, а не обобщённые,

как бы чьи-то ещё, общие воспоминания, да ведь?

А то, как ни крути, выходит неправда, выдумка.

5.

Нет,
у Господа тоже ведь руки связаны, поэтому не надейтесь, народы,
что как-то само собой. Ведь, может быть, всё у них как, там на небе:
допустим, прибыл с работы, вконец задолбавшись,
смотришь какой-то кинец,
в соседней комнате, ну, в соседней, умирает родной человек
(долго так умирает, уже утомил своим умиранием),
и надо ж сходить к нему, поговорить, побыть рядом,
поддержать за руку,
но сил никаких нет! И тупо лежишь и вперяешься в фильм,
и так тупишь целый вечер.
И так тупо вот оно уже полторы тысячи лет.

6.

Сколько угодно стихов написав,
никогда я не возьмусь за две темы:
пожилая женщина, получив пятое и последнее похоронное,
рано-рано уходит на ферму — дойка не ждёт;
сказав себе больше не убивать, молодой человек
заворачивает в первый попавшийся двор, застрелиться.

7.

Из дома выйдешь с рюкзаком и бодро в центр пешком пойдёшь,
а там на площади уже и праздник и галдёж,
знакомый батюшка с большой мохнатой бородой
тебя и всех благословит на подвиг боевой.
Потом поедешь на Ростов, иною жизнью жить начнёшь
и о любви ты будешь говорить.
О том, что большей нет любви, чем за других живот отдать,
и что ты веришь, что такой, конечно, в Рай войдёт.

Вас наберётся полный взвод, и в темноте ночной
границу перейдете вы старинную тропой.

Курганы серые хранят свидетелей её.
И ваш решительный отряд никто не засечёт.

Тебя там встретит политрук Захар Прилепин,
сначала брифинг проведёт и обстановку доведёт,
потом в сарайку отведёт, к трубе железной прикуёт,
разденет он тебя всего и жёстко выебет в душло, ого! —
такого ты не ожидал, когда на битву уезжал,
отца и мать, родной очаг по зову сердца оставляя.
И скажет он: ну ты попал,
хотя покамест не пропал,
но что, внутри уже болит,
мой мозжечковый инвалид?
Теперь давай езжай домой,
там станешь весь такой герой,
о нас, отверженных, споёшь,
на конкурс песню ту пошлёшь
и, быстро выиграв его,
спасибо Родине за всё —
потом он дёрнет некий шнур
и *вжсх!*

8.

В Гёттисберге, штат Мэриленд, на поле, где артиллеристы
трамбовали батальоны под командою
дальних и близких родственников, бывших однополчан, —
где тысячи рухнули с лошадей у подножий холмов, —
теперь там музейное дело. Но даже теперь
на размеченном археологами поле у Гёттисберга
есть неровности, где замечтавшийся или замешкавшийся посетитель
всего этого знаменитого мемориально-патриотического комплекса
ощущает чьё-то присутствие, чьё-то постчеловеческое присутствие.
Местность неуловимо, но откровенно как бы меняется,
(потом они говорят, что «на всё нашла тень».

Будто тенью покрыло поле и т. д.
Но «тень» слово слишком неясное. Тень прошлого,
тень от Солнца, тень врага,

заходящего сзади, отражения пешеходов в витрине,
в общем, пусть будет «тень»), —
или, может быть, всё вмиг накрывается тонким слоем угольной
пыли, или перед глазами протягивают полупрозрачную плёнку
и поверх листвы и травы проступает всё ещё свежее кровопролитие.
Вот они скачут, вот они с воплем обеими ладонями
сжимают дыру в груди, роняют ружья,
вот они отползают, вот коченеют. Сущности,
в тот момент как бы замороженные, они как бы
размораживаются, и не могу никак разморозиться, у них
больше нет мяса, и у того, кто застал этот вопль, холодеют
щёки и лоб, и кончики пальцев. Но лишь на мгновение.
Это дикое ощущение
долго не продолжается.
В это мгновение как будто находишься «там». <...>
Я был в Энтитеме, там такое же поле, но меньше,
ну так там и битва была короче —
всего один день, но достаточно напряжённый,
и на поле осталось достаточно мертвецов,
чтобы Энтитем вошёл в каталог мест великих сражений.
Конечно, я там ничего
такого не чувствовал. Места надо знать, и лучше всего идти
туда перед закатом.
Это всё я узнал от друга — этнографа, знатока чертовщины.
Он рассказал,
что в социальных сетях есть целые группы — сообщества,
клубы любителей
этих переживаний. Они такие места картируют, обсуждают,
в свободное от работы время
совершают поездки, обычно по полям сражений бродят одни.
Сотрудники исторических парков прекрасно знают
такой сорт людей. Кое-кто их не любит, считая,
что нет ничего хорошего в пристрастии к аномальщине,
некоторые посмеиваются над пристрастиями белых воротничков,
рабов даунтауна,
а есть и такие, кто сами интересуются
этими необычными переживаниями,

они сами находят места самых суровых схваток,
идентифицируют пустоши, где раскинут был полевой госпиталь
(там умирали особо болезненной смертью, и для них это важно),
и проводят туда особенные экскурсии.
Берут не больше трёх человек. Когда они списываются,
клиентам никто ничего не обещает.
Однако некоторые проводники удачливее других.
В России таких знатоков гиблых мест
уважительно называли бы «сталкерами».

9.

Он спросил меня:
что будет,
когда меня уже не будет?
Я ответил так, как знал:

«Друг, ты долго воевал,
будет стоять тобой не построенный дом.
А картинку твоей войны на экранчике этом никто никогда не увидит:
экран отнесут на свалку; война —
кому она будет нужна
тогда?
Никому, никогда.
Да».

И тогда я увидел, как он, уронив протез головы на протез ладони,
заплакал сквозь прорези в противогазной маске.

10.

Всё это сочинив, написав,
я продолжаю любить военные фильмы.
Ночные рейды бомбардировщиков, треск зенитных разрывов, гильзы
падают под ноги с дзвяканьем, баханье сброшенных досок, свист
подброшенной вверх земли.

Миноносец уходит в ноль-ноль, все знают, что навсегда.
Бронепоезд застыл на мосту. Рождество в обмороженном блиндаже.
Сто лет — будто день один.
Какие у них лица! Какие мужественные лица!
Кровь и грязь на щеках. Без улыбок. Люблю настоящее.

Лето 2018

ВРЕМЯ

«В моём государстве», пишет одна из Минска¹,
«время растёт или стоит столбом».

А в моём государстве время прёт напролом.
Время ломает уюты, стены, расчёты, лбы.
Орудует топором.

«Страх», говорят нам эксперты, время — его, и он
здесь капитанствует, как Негоро.

А время само, на чьей стороне оно?
То-то же,
об этом никто
не может
с уверенностью сказать.

И с этою меланхолией мы, узнаваемые
персонажики лирики Е. Вежлян, —
восседая на склоне над рекой, предвосхищаем,
не пронесёт ли струя мимо нас наконец что-нибудь ненепотребное?..

Тем временем, в дебрях Евразии, антрополог
созерцает руинообразный жилой барак
(топорщится рубероид, шифер — штабелем во дворе)
и размышляет: он страшный такой потому, что давно построен —
и разрушается, или же потому, что не достроен,
ещё воздвигается?

---

¹ Ольга Маркитантова.

Возможно, ответ неизвестен
даже тем, чьё сушится там бельё.

Он — настоящий мужик, потому и ко времени
относится потребительски.

Ну а я, ну а ты, ну а он, а она и они? Прежде всего, дело в том,
что я, ты, мы, они, все вообще —
мы в этой стране.

2021

***

Да, говорите, били! Но —
по необходимости.
Были на то причины. Бить
надо. Вообще так всё делалось. Делается. Ну.

А после ещё удивляетесь, мол, чего это вы
морды-то свои от нас отворачиваете?..

***

«А я полагаю, необходимо
наконец уже запретить.
Почему до сих пор не запрещено?
Выяснить, по чьей именно вине,
кто это, из-за кого
у нас до сих пор, к сожалению, иногда что-нибудь».

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

*...наконец, наш старый знакомый сержант Калигула.
Виктор Полещук*

*И никто не задумывался о приближающемся пиздеце.
Александр Дельфинов*

К Сергею Васильеву

Оккупационные власти
принуждали бюргеров к просмотру
документальных съёмок расстрельных рвов,
тракторов, других машин
сокрытия умерщвлений.
Эти фильмы были посвящены
людям, задохавшимся в душевых камерах.
Некоторые граждане, выйдя из кинозала,
блевали. Писали, что кто-то даже повесился
от увиденного.

Это был сорок пятый год.
Но нас в две тысячи двадцать первом так уже не проймёшь.
Мы чего уже только не видели.
И уже от каких только разоблачений не отвернулись.
Семьдесят лет — это всё-таки кое-что!
Весь прошлый век нас учил пониманию и иронии.
А помните, скажем, выдающегося соотечественника Чикатило?
А помните, скажем, поэт был такой, Лимонов?
А помните, скажем, много чего другого?

***

К Денису Грекову

Если бы я снимал настоящий фильм про войну,
я бы начал его, минуя парады, сразу
с бомбардировки, — потом четыре бомбардировки,
восемь, одиннадцать, двадцать семь бомбардировок,
сорок три бомбардировки, и разрушающееся здание,
развалины разрушенных сооружений, горящие под
эти зданиями подвалы, выгорающие ещё и ещё раз,
ещё и ещё раз, —
в этом месте фильм уже должен остоебенить. Потом — операция,
где отрезают ноги, зашивают живот, одно и то же несколько раз,
отрезают ноги,
зашивают живот, в этом месте фильм уже как бы не про войну, а «про
жизнь вообще», поэтому снова бомбардировка
как реминисценция первоначальных сцен,
затем сюжет — голодная девочка тонет в холодной воде,
не спасаясь с уничтоженного корабля. Ещё раз тонет,
теперь по-быстрому.
И тогда, чтобы те, кто досмотрел досюда, не ушли обиженными,
героический танк, врываясь в предместье, сметая пулемётные гнёзда,
прорывается в центр городка! И там, на Рыночной площади,
освобождённые
прекрасные девушки бросают цветы к подножью его постамента!
И всё.

30 апреля — 4 мая 2017

ЧЕЛОВЕК

В юности, посещая городское наше Лито,
я очень интересовался теми, кого там встречал, конечно.
То разные были люди. Скажем, один мужик,
хотя и нечасто бывал на встречах, обращал на себя внимание.
Писал он стихи о Севере,
об улетающих на зимовку птицах,
о том, как в июне открываются перевалы,
но потом снегопад закрывает их вновь,
о том, как больно не получить письмо,
как непостижимо и недоступно северное сияние и так далее.

Кстати, эти стихи

при мне (то есть пока я ещё был в Лито)

похвалил один серьёзный столичный поэт.

Мне сказали, что этот мужчина всю жизнь служил в лагерях.

Обморозился там, был отправлен на пенсию

(об этом мне тоже сказали старшие) на каких-то позорных условиях.

В тесном нашем книголюбивом сообществе было принято полагать,
что как человек он не состоялся (состоятельность там ценилась).

И хоть он не был стар, он уже доживал, что мог, —

у нас в городке на юге Сибири, в основном сочиняя стихи

о природе, которую явно любил

больше самих этих стихов, хотя они были правильной формы,

и вообще были нарочито правильными, как бы по одному лекалу,

так мне уже тогда показалось

и такими я сейчас их припоминаю.

Но сейчас, припоминая

всё, что на фоне смешков и цитаток из анекдотиков я слышал

о нём тогда

ВСЁ, ЧТО Я ЗНАЮ О ВОЙНЕ

Всё, что я знаю о войне, вызывает у меня отвращение.

Я написал об этом несколько стихотворений.

А сколько их прочитал!

Всё, что осталось во мне после этого:

чёрт бы их всех побрал!

Главнокомандующих,

командующих, маршалов,

полковников с их лампасами и подполковников вместе с ними,

президентов с их телохранителями и массажистками,

генеральных секретарей, партийцев-активистов,

любимых руководителей, кормчих народов, гауляйтеров, военкомов,

рулевых нации, председателей,

профессоров и приват-доцентов-дегенератов,

многотомных поэтов, суперпевцов, тойонов и падишахов,

персонал разнообразных ведомств,

чёрт бы их всех забрал, всех,

сверху донизу, до последнего коменданта.

При чём здесь война? Да, при чём здесь война.

***

К Алексею Миноровскому

Как-то так: на улицу Чайную, под горой, в дом за Старыми банями
вернулись почти в один день Никифор и Николай.
Сели за стол — а что там на стол-то поставить...
Живые. Сергей до сих пор в Прибалтике в спецчастях.
Наташа сгорела над Западной Белоруссией
или Восточной Пруссией,
Георгий в Казани в госпитале с простреленной головой.
И долгая жизнь впереди! Баня почти завалилась —
поправить, поставить. Работу найти на станции.
Егор неизвестно откуда приносит шампанское,
садится к печи. Николай отмороженным третьим пальцем
ковыряет пробку, наконец открывает ножом.

Пьют в память Наташи молча.

Репродуктор продан, патефон тем более продан.
Взгляды скользят: коврики... Шторы висят застиранные.
Стены обклеены старой газетой — найти поприличней что-то.
Теперь уж наладится на улице Чайной быт!
И труд. Не вернутся: Олег, Татьяна, Сергей, Алевтина, Игорь,
Захар, Леонид.
Вернутся: Георгий, Степан, младший Сергей, Андрей.

Именно так я себе это и представляю.

НЕ ЖАЛЬ

1.

Об очередных выходках
сарматского падишаха узнав,
жительница Вазистана
решает Сарматию выжечь
небесным огнём.

Подумав, она составляет список,
кто должен быть пощаждён.
Соседка по школьной парте,
перебравшись в Сарматию, ставшая медсестрой,
тот юноша (хотя он вазистанец по матери), с которым они
так долго болтали в кафешке в Лондоне,
несколько родственниц пожилых, которые наверняка ни при чём,
двое великих (безусловно великих) учёных, ещё актриса,
которая создала знаменитый благотворительный фонд
по спасению безнадежно больных детей.

Со списком в руке, она звонит на небеса
дать целеуказание,
чётко произнося сарматские имена,
диктует его, уточняя
в конце:
«остальных не жаль».

2.

С небес, помолчав,
переспрашивают: «не жаль?»

И она, опираясь на весь многолетний свой опыт
разбирательств, выяснений, кто прав, кто неправ,
прояснения непоняток, изыскания доводов за,
доводов против, выпрямившись, мужественно,

безоговорочно подтверждает:
нет.

15 ноября 2021

II

САМОЛЁТЫ ЕЩЁ,
ГОВОРЯТ, ЛЕТАЮТ

***

А вот, написать бы стихотворение, как
любовь во время войны и т. п. делает неинтересными
новости издалека, потому что, увы, неизбежны вокзал,
корабль, самолёт
и ожидание: это вновь, это вновь, и пускай потом, но ведь будет!
И это любовь. А думаю я всё равно о том,
как вот, ровно сто лет назад, поутру гуляя неподалёку отсюда,
в пригородных полях, с флягою и с ружьём в руке,
ровесник самоуверенный мой, некий приват-доцент,
рассуждал про себя о гуманитарном кризисе
и сумерках Римской империи, прозревал в грозных облаках
над рекою Тиссой,
но сам-то он пребывал под защитою стен святых, культурно
готовил вдумчиво к публикации некоторые статьи — и он же
ровно четыре года спустя рыдал от безнадёжности под воротами
какого-то богатого дома уже в Стамбуле-Царьграде,
уже не приват-доцент,
а почти доходяга, складываясь пополам
на жёстких камнях мусульманского гиблого города.
И всё это вроде почти вчера.
Что толку быть собой, не ведая стыда?

А вот неймётся ж человеку своё мнение-то иметь!
Да вот хоть соседу — о том, что закрыть все двери,
хоть как на подводной лодке, и пусть они там загнутся —
уж мы-то пересидим! Да хоть и на дне, не страшно. Пересидим!
Как не было этих ста лет. Хотя, впрочем, были, и потому —
кровавое кей-джи-би *всё уже в прошлом*, да?

А там, за лесами, полями, другая страна,
тридесятые королевства-республиканства,
и там, было дело, натанцевались, накувыркались,
и кто-то со шлюхами пил кофей,
а кто-то и шёл в номера. Ого! Но всё ж и они как-то всплыли,
теперь зажигают уже по-другому, цивилизованно.

Пример нам или не пример?
Такая теперь любовь, расчётливая и всё-таки недалёкая. Самолёты
ещё, говорят, летают.

***

Ирине Бондас, переводчице

Два представителя «местных» — он и она —
приглашены на международный семинар
прочитать стихи о своих туземных событиях.
Тексты уже переведены британским экспатом,
специалистом по истории региональной
литературы. Туземка в очках, полузаслонённых чёрною прядью, —
верлибр: трое, запертые в подвал,
на день седьмой изнасилованы восьмью,
подвешены за ноги
и уже перестали стонать,
собственные жидкости приняв в себя.
И подвал сохранил тела их от артобстрела.
Участники семинара слушают чтение, глазами следят
за напечатанными в приложении к программе
текстами переводов, руководитель секции думает:
«quite a sensitive topic, quite an intensive reading, nonetheless
it is excellent» и, улыбнувшись, легонько кивает. Туземная женщина
не улыбается, голоса, ожившие только что в ней, стихают,
она говорит себе:
«Всё-таки будет по-нашему, по-моему».
О чём, кстати, этот англоязычный семинар? Об идентичности?
Точно,
Об идентичности. Самость, идентификация, identity, самосвідомість.

Декабрь 2015

***

В декабре сорок первого года они,
уже оказавшись в Азии,
говорили себе:
потерпеть до победы, — и переносили
сырость и неудобства,
брились, обматывали тряпками горло. Разглядывая
какие-то привокзальные трубы, придумывали про себя
письма родным, — пока проходящий мимо солдат
не бормотал сам себе по-татарски: *сарды, барды...*
И тогда-то вдруг понимали всё
и мгновенно
скатывались в отчаяние.
Сколько их было?
Трое, пятеро, сколько?.. Бог весть.

ЗА ДАЛЬЮ ДАЛЬ

Насчёт человекоядения, как и вообще о чревоугодии,
два мнения есть, а может быть, и не два.
Безусловно ли надобно мыть
руки перед едой или достаточно протирать их одеколоном?
Большинство, говорят, склоняется к первому варианту.
Традиции цивилизованности, опрятности, буквализма.
Ах, почему же мы не рождены управлять пересыльным
чем-нибудь, превращая его неустанным трудом в симфонию, —
а зачем-то засунуты управлять только этой жизнью,
которая вовсе была б лишена перспектив и захватывающих
наворотов,
если б не наша заслуженная гастрономия?

Но некоторые предвещают: придётся, дескать,
осваивать одеколон :(Тоска!
Недаром — пришли, говорят, последние времена! Но ещё пока
есть куда разбежаться!
Играй, играй и за далью даль.

А ПОТОМ

Как в дальнокопе представь себе *подземелья*
после всего: выровнено и развёрнуто,
и каждому смерть через орган, которым грешил:
курильщики вздёрнуты за трахею,
блуднику высверлена глазница,
военнообязанному неотвратимый отъят
пенис, госслужащему — кровеносный
язык, а кто ж там достигнут сечением головы?
Не мы, над нами — известный бульдозер, кто же?
Тот самый Иван Иванович, завуч четвёртой школы,
известный на микрорайоне под прозвищами «Спартак»,
«доходяга умственного труда», садист от народолюбия.
— Да? Он, — говорю я, присматриваясь издалёка,
узнавая его. — Он... ведь он был умнейший человек города,
но любовь-то, любовь его подвела.

***

Канувшие, и —

нет, не спасённые.

Просто канувшие.

Вниз головами, они там, внизу,
так и торчат.

Иногда, проходя поверху,
я воздаю им должное,
но чаще — не отвлекаюсь
на торчащих там, внизу,
в земле —

чтоб не сойти с ума,
или ещё
чего-нибудь.

18 апреля 2021

СЛАВА ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ!

Перевод с английского

Пока не изобрели паровой котёл,
пока не подвели к нему гребной винт,
пока не проложили под него рельсы, —

эти люди гибли в своих долинах и деревнях,
в кольце лесов, пустынь, океанов, гор,
за перевалами.

Там, где они родились сразу и навсегда.

Но теперь их детям, быть может, будет дано
дотянуть
до еды, до чьих-то палаток, до укрытия, до медпунктов,
избежать
нового изнасилования, старых угроз, вечного истощения.
Да и сами они, им есть куда добрести,
чтобы отправиться далеко-далеко.

«Никто не бежит из дома, пока дом не становится пастью акулы», —
пишет Варсан Шир.

Итак: надёжный мотор — против акульей пасти.

Господи, благослови
изобретателей,
с ними — и инженеров,
сварщиков, сварщиц, токарей и электриков.
Возможно, число спасённых ими людей превышает
число убитых ими людей.

На то они сами могут надеяться.

ЭССЕИСТ НА ДАЧЕ. ПОДМОСКОВЬЕ, АВГУСТ 1981

«Запечатать: запомнив, запечатлеть»

— писатель печатает, на этих словах машинка ломается,
— треньк, и тихо. Дачный посёлок за рамой окна
шумит бытовó, вдали забивают сваю,
то вскрикнет петух, то ворвутся в калитку соседские дети.

А в комнате — уединение. Сырок, мятный чай заварен,
в масле сельдь иваси,
архангельские иконы в буфете —
помилуй нас и спаси!

...берёт блокнот, карандашом продолжает:

*«Но, рассматривая печать,
увидим, что слом — это связь: на изломе
луч преломляется в лист, и тот раскрывается, как письмо».*

Письмо. Скрип ставен, покой. Скоро стихнет тот стук. Это сон.
Сон?

...он,
отложив блокнот, размышляет

— о друзьях,
которые в лагерях.
Сломались они
или не ломались,
если да,

ТО С КЕМ
ОНИ
ТАК СВЯЗАЛИСЬ?

Осень 2018

АРХИВИСТ НА ДАЧЕ. ВИЛЬНЮС ИЛИ ВАРШАВА, 1981

Прошлое. Дверь за спиной — не захлопнута,
незнакомые цикады-плезиозавры откуда-то свищут,
трещат, будто за дверью сад и будто бы он переполнен ими.
Здравствуй, явился. А выйдешь — пусто, благоустройство, что ли,
там состоялось. Кто-то убрался.

О, благоустройство сада чужой рукой! Обопрёшься, а под ладонью —
дерево.

Дерево вишня, дерево зиккурат, дерево абрикос.
Изгороди в низине, гравий дорожки, проволока загородки
грядок бывшей хозяйки дома. Вниз, по направлению тяготения,
тропка. Когда здесь могли проехать повозки? Сто лет назад
или пятьсот лет назад. Могли.

Луг, а за ним болотце. Речка. Окраина городка.
Хранитель скрипа чужих манускриптов,
ты вдруг отправляешься дальше, за этот ручей, там склон,
а над ним шоссе,

уложенное, очевидно,
поверх
древних камней. И кто встречает на нём — неумытый танк
или девочка в платье,
напоминающем о картине
«Муза процветания на баррикаде»?

Июль 2016

**АНТИКАРАТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ
НА ТРИ ТАКТА С ЭПИГРАФАМИ
ИЗ ПЕСНИ МИХАИЛА ЩЕРБАКОВА**

1. КАЖДЫЙ ИЗ НАС ПОЧЁТНАЯ ЖЕРТВА ИСТОРИИ

*Слышите этот стук?
Это строят помост на площади:
тум-ту-тум-ту-тум-ту-тум-ту-тум...*

Прошлых времён палач был уважаемый человек,
репрезентировал цеховые устои,
отстаивал привилегии через сословный суд,
дети его сдавали за ним в архив
накопившиеся документы. Новых времён палач, точнее, каратель —
это такой паренёк — не паренёк, неизвестно кто,
не представитель даже самого себя,
внешность обычная, секретарская, но любит фотографироваться, ибо
склонен покрасоваться — а кто ж не склонен.
Вот и все, что о нём. Будущие палачи
будут и вовсе неразличимы, как неразличимы
дурная погода, бурьян, туман,
правлящие, как древнекитайское дао, не напрягаясь,
не выходя из себя. Так вот и будущие, те,
обойдутся без напряжённых плеч. А как? Чем гадать,
не лучше ль уже сейчас
присмотреться к тому, как подкрадывается, допустим,
гроза? Играем себе с детьми во дворе, и вдруг накрывает,
и вдруг накрывает.

2. ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ТОРЖЕСТВО: СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ, КАК-НИКАК ЭТО СРОК

*Но — слышите этот зал?
Один, и другой, и третий:
тум-ту-тум-ту-тум-ту-тум-ту-тум...*

Рабовладельческое, блядь, учреждение
справляет юбилей в дворце культуры.
Украшен лентами и лампочками зал.
Патриотических расцветок прекрасный занавес гирляндой украшен.
В президиуме несколько мужчин
в костюмах, большинство — в парадной форме,
с начищенными звёздами погон.
Столичный гость, гражданский весь, в costume
и галстуке рубинового цвета,
толкает речь. С лицом совсем не зверским. Если слово
поищешь, его чтобы охарактеризовать,
не скажешь бранного или оскорбительного, скорее что-то мятное,
невразумительное —

«анжамбеман». Ну, весь такой анжамбеман.
Он говорит о Родине, о службе,
о верности присяге, о наградах
для лучших из присутствующих здесь,
хотя достойны все. Ни слова о работе. Речь закончил
уместным новым лозунгом, вспотевший
анжамбеман смещается в широкий
меж двух начальствующих местного пошиба,
с уже слегка стеклянными глазами, проём, где стул.

На том конце стола
ответственную речь уполномоченный произносить встаёт.
Он говорит, опять он говорит о службе,
о верности присяге сквозь года,
о долге снова и о прочем этом всём.
Присел потом. Глоток воды. Ни слова о работе.

Наконец-то
формальности закончены! И гости,

и те, кто их в глуши назначен развлекать,
начальники отдельных управлений,
и прочие, по ком сегодня праздник,
нисходят в зал с фуршетом и танцполом,
и там попарно начинают танцевать!
И до утра кипит веселье, блядь!

3. НИЧЕГО

*Но — слышите этот сигнал?
Трубит горнист однорукый:
тум-ту-тум-ту-тум-ту-тум-ту-тум...*

Новейшее массовое кровопускание,
предводимое преимущественно потомками гопников и крестьян
(неплохими в душе), отчаянно будет нуждаться
в квалифицированных космополитах,
чтобы те профессионально соревновались в попаданиях
в таргет-группы: «Свежая кровь. Скидки!»
или так: «Красное, свежее, всё твоё! Налетай!»,
затем закупались бы замечательными побрякушками
в Провансе или на Синае
(на худой конец-то Сочи — курорт). Оно и тебя, мой друг,
трудоустроит в свои объятя,
ты победишь, ты цапнешь судьбу за яйца!

Поздравляю!

И, собственно, что? И, собственно, ничего.

2015

2017

Иван говорит: *«Любовь ничего не стоит»*,
но сам-то Иван не любви ли ценой живёт?
Зря ли на сцену выходит и плачет, заговаривается, почти поёт?

Михаил говорит: из моего члена глядит на тебя
дракон неизбежного похотливого размноженья, — но
слушатели не верят, ухмыляются, мол — ну нет уж, член
это всего лишь член! А ты же поэт, поэт.

(Так — всегда — говорят. *«Ты поэт, поэт»*; разве это всё? О, нет.)

Ирина говорит: *«Прекрасности мне ненавистны — они
маскируют всё то же змеиное жало, что и подо всем»*.
Я говорю: «Это так потому, что которые были с тобой,
они тогда были не с тобой».

...и она говорит: *«Открыв для себя двери,
я восприятие этой вашей любви
неузнаваемо преобразила»*. Да, отвечаю, да.
И если она потом произносит *«Бог»*,
у меня наготове: *«Возможно — Бог, а что дальше»*.
Дальше?..

***

Примирены, примирены там будем,
или — и здесь, но потом, —
и что же? Проходить мимо
мальчика, мордующего собаку,
соседа, мордующего супругу, группы установленных лиц,
по предварительному сговору?..

Думаю о том старом философе, покинувшем родину, аккуратно перед тем, как её накрыло крыло соседней державы и в кислоте растворило, но угодившем в объятия другой державы, где избраннейшие из людей несли на себе инсигнию «с нами бох», но прошедшем в смертельной близости от печей и позже создавшем учение, что человека всегда недостаточно, — как он сказал, когда молодой коллега рассказывал, мол, дискуссии о нацизме Хайдеггера в последние годы пришли к тому, что неоднозначно всё в этом особом случае, — он сказал ему вдруг по-русски, на языке своего детства: *«Эти старинные байки меня больше не убеждают»*.

...больше не убеждают. Так вот, это знание: «все там будем», или «придёт рассудит», «внезапно», — было ли всё это чем-то бóльшим, нежели детской игрой мальчика, уговаривающего самого себя всё ж таки выйти из дома на тёмную улицу, по нужде?

15 апреля 2016

ПИСЬМО В ОАЗИС

Сообщаю тебе, что, когда мы отключили христианского Бога, в нашем гетто ничего принципиально не изменилось. Как проводил я свои дни под картонными потолками, так я и провожу свои дни под картонными потолками.

Интересуешься, что приносит нам юго-восточный ветер? Радиоволны — конечно, ведь иногда мы по-прежнему слушаем радио. Особенно по вечерам, когда выступает этот почтенный муж (ну ты его знаешь) и обещает счастье, спасение, ясность, решительную победу.

Слушаем с интересом (ещё этот ветер доносит до нас пряности ваших торговых, и мне вспоминается, как, обнявшись, мы по ярмаркам тем бродили). Но его слова, что когда-то казались мне столь убедительными, больше уже мне не кажутся столь убедительными.

И не мне одному. Тут спорят. Знаешь, смешно, но у нас — политические дуэли, партия определённости против партии неопределённости. Казалось бы, что вы делите? Пустыни на всех хватает! Но, они говорят, не хватает места под потолками.

Бывают полуночи, когда я испытываю зависть не столько к тому, кто кормит тебя виноградом, сколько к дворцу твоему, к восхитительной пирамиде, к эллинской речи, к этим словам: хиротония, омофор, кафоликон, панагия, катапитасма, палея, камилавка, саккос.

ПРОБЛЕМА СВИДЕТЕЛЯ

Начальник городской полиции размышляет о проблеме свидетеля.

Когда приказы начальников исполняются методически, когда он вполне уверен в своих подчинённых и их подчинённых, не может не быть свидетеля. Об этом думает он. Кто-то из них, кто как будто спокойно

(или пусть даже и беспокойно) заполняет формуляры, насвистывая при этом, потом вывезет под пряжкой ремня фотографии.

Или монашенка та напишет письмо в Ватикан, или кто-то из вольнонаёмных, специалистов по минному делу — кто их разберёт? — итальянцев, ирландцев, венесуэльцев... — опубликует поклёп, переодетый под воспоминания.

«Воспоминания»!.. Начальник полиции расспрашивает сына, который когда-то учился в столице живописи, о действии перспективы и о том, что может увидеть тот, кто стоит в отдалении.

Но его самого интересует другое: что может видеть тот, кто не должен видеть.

Так начальник городской полиции приходит к мысли о существовании Бога и вдруг ощущает себя куском печёнки на сковородке.

В этот вечер начальник городской полиции из верного слуги молодой Республики превращается прямо-таки в марионетку молодой Республики.

Но это свидетельство как-то должно ведь выстрелить? Он живёт ещё тридцать лет, выслуживается до полковника, производит восемь детей,

уходит в отставку,
и все эти тридцать лет
на душе у него,
мягко говоря,
нехорошо.

11-13 апреля 2017

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

*Мозг выделяет мысль, как печень желчь.
Из старых учебников*

Есть мнение,
что мучить
нельзя вообще никого.

Думаю, с этим мнением
согласны, пожалуй, все.
Как правило, с оговорками.

Задача литературы —
снижать терпимость
к этим вот оговоркам,
репрессировать
стремление их рассматривать, производимое нашим мозгом, —
как фабрики производят шлак,
а печень производит желчь.

Сентябрь 2021

ДВОЕ НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ ПРИБЫВАЮТ НА КРАЙ ЗЕМЛИ

*...думая в зимней серости обо всём, кроме
незримого, за собственной никчёмностью в погоне.*

Шамиад Абдуллаев

К Сухбату Афлатуни

Так на ум приходят стихи
о способности не двигаться.

Там город Ташкент, окраина. Вероятно, холмы (никогда там не был).
Двое по склону медленно поднимаются, между собой говорят
негромко
о делах на небе. «Как ты думаешь, существует ли ад?»
«Ада не существует, брат».

Взойдя к развалинам (то был мазар, после, недолго,
военная метеостанция), садятся на край плиты,
созерцают пройденный склон. «Существует ли рай, брат?»
«Ты же знаешь, об этом теперь друг с другом не говорят».

Один из них мыслит, обречённо: «Если хочешь город
без происшествий,
т. е. город вне сторителлинга, то вот он, бери его». Другой,
судя по выражению глаз,
ещё полон сил и надеется. У одного из них греческое,
по происхождению, имя.
Но на таком удалении отовсюду ничего бы не поменялось,
если б он его не имел,
или изменил бы его на манер учёных бактрийцев,
иранизировал бы, туранизировал...
впрочем, тщетно.

1 августа 2018

***

Бакинский еврей-эмигрант — в Берлине это
если ещё не судьба, так профессия.

Внешне напоминает жиголёныша с Александерплац,
бывшего студентом юрфака во Франкфурте, но назло богатой маман
себя обратившего в персонажа будущих фильмов Фассбиндера.

Но этот —

не жиголо, хотя вряд ли разборчив в связях
с падшими всех полов. Но как он одет, в каком
галстук! Говорит

на неведомом языке —

на персидском? Египетском? На бакинском?

На праевропейском. Говорят, зарабатывает, выполняя
деликатные поручения

одного гамбургского перекупщика, поклонника

экзотических увеселений.

Как он красив, ты неосторожно шепчешь, когда он влетает в твой
дансинг, заранее согласившись даже ему отдаться, если он позовёт
в свой душноватый рай. Как он красив! Если он позовёт. Ох, нет.

Зная уже

всё как будто заранее, добавляешь ещё: «Он тоже умрёт в концлагере».

Не так. Он умрёт только в семьдесят пятом году в Аустерлице,
штат Нью-Йорк,

зброшенный низенький старичок,

вроде бы талмудист,

господин Неизвестно Кто,

живущий под вымышленными именем и фамилией.

ИЗ-ПОД КУПОЛА

Тогда я ещё не знал,
что, когда они начнут приходить и клянчить у нас еду,
будет непросто им отказать,
и потом будет труднее.
Ведь мы — не железные. Я — не железный.
Но всё-таки мы и не дети,
так что нет.
Жизнь, эта жизнь, она
требует жертв.

Есть среди нас ещё, к сожалению, те,
кто портит наших детей,
учит о небе,
вовсе не разобравшись в нашем образе жизни,
рассказывает об этих, о том, как было когда-то
и так далее.
Это вот — аморально. Да, я считаю, что так поступать аморально.

Март 2019

МОСКОВСКИЕ СТЕНЫ

1. Та Москва

Ксении Голубович

Пели в подвале: «Смертию смерть поправ»,
сторонясь собственных голосов.

Поэт подруге негромко сказал:
«Я к смерти готов».

По улице, будущей Двадцатипятилетия Октября,
они молча поднялись мимо сносимых стен.

В подвале, свечи задув, сидели,
прежде чем разойтись насовсем.

Один дожидался весны как последней, другой как начала нового года.
А тот раздумывал об архиве, а тот ждал повода.

2. Плетешковский переулок

Край бывших трущоб, а затем — коммуналок нового быта,
новейшего — вычищенного от бабок и дедок.

Стены цвета набухшей, что ли, от усердия крови, геометрический угол
упирается вверх, пропарывает асфальт, подрезает крышу.

Это резкое окончание
квартала, а за детской площадкой —

дома коммунальных подросших детей. *«Новостройки».*

Пересчитывая глазами
этажи, так и думаешь: *«Ничего особенного».*

Эпоха уже была как эпоха,
без резких углов, без дерзостей, без поражений.
«Оно и видно».

3. Юго-Запад

Большие дома на рассвете выдают пребывающих в них
древних своих предков —
выветренные скалы-глыбы
на перевалах, где ночевали готы.
Вот это: когда ложишься уже под утро,
полночи прозанимавшись неясно чем —
чтением, перебором цитат каких-то, —
вытянувшись, закрываешь глаза, слушаешь —
за окном приоткрытым
птицы пробуют голоса.
Как будто там вовсе даже и не Москва.

4. Новая школа

Подъездные пути к новой школе — прорубленная
меж новостроек просека.
На повороте указатель с красно-зелёными буквами
сообщает: мимо нашей школы нельзя ни пройти ни проехать,
она как раз для ваших детей! Здесь заворачивают вместительные авто.
У ворот из белого пластика
поток подъезжающих и отъезжающих направляет мощный мужчина,
улыбчивый, ясный, в большущей фуражке.
Будущий учитель идёт от метро, огибая свежий карьер
по краю ещё не слежавшегося террикона, с необходимостью мягко
ступая на доски в песке,
в папке прилежной — позитивных рекомендаций пачка,
педагогические проекты.
Скрываясь из виду в расщелине зданий,
он дворами выходит к длинному забору,

сворачивает, находит служебный вход,
там получает заказанный раньше пропуск. Выдыхает: нашёл.

А за проходной, внутри —
легко и просторно, там новая Россия будущего.

***

Дмитрию Королёву

«Ни одна блоха не плоха».

В случайном письме была эта фраза как бы вишенкой на торте, прочитал я её, раздумывая о жизни тех, о ком говорят: «такой ни в пизду и ни в Красную армию», — то есть так и торчи, народившись в своём Четвёртом Карьере, или на Первом разезде; мужаешь поблизости от остановки «квартал Э», переезжаешь с годами на Северную Проходную, отходишь вблизи от площади Пятьдесят лет съезда чего-то там. Но, говорят, «ни одна блоха не плоха». Из ебеней-то явится ль что-то доброе? Добро — это как ляжет карта, как увидишь, как въедешь: не эта ли местность на данный момент найбільше підходить для воспитания наблюдателя нашего дарагога, обжитога, укорененнага в безнадёге феодализма.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ПАМЯТИ ПОЭТА ВИКТОРА ИВАНОВА

1. 25 ФЕВРАЛЯ, НОВОСТИ

Новосибирск захлестнула волна закрытия магазинов
Сотни новосибирцев смогут переехать в ЖК
В Новосибирске становится всё больше сверхженственных девушек
Началась Масленица — она объединяет
В ФМС поредела очередь за загранпаспортами
Легендарный теппан-бар попавший в хроники
ТВ-шоу «Ревизорро» отметил

Новости города Новосибирска

Пошаговая инструкция приобретения товаров задёшево
Как подработать на личном авто в кризис: сколько денег обещают
Под Академгородком строят посёлок для самых богатых умников
[чтобы жить в домах с интеллектуалами,

человеку нужно доплатить миллион]

Инженер разрыдался при приёмке квартиры
9-балльные пробки парализовали магистрали и
Монумент Славы облюбовали стаи бродячих собак
Крупнейший российский продавец еды
захватывает Новосибирск невиданными темпами

Власти перенесли закрытие барахолки
Депутаты поддержали закон о регистрации собак

Продолжается год литературы

ЦНМТ приглашает Кобзона на лечение

...менее трети автокраж

Театральный секс-символ Павел Поляков женился и стал индюком
Новосибирская богема отпраздновала Масленицу

по-своему [катались по морю на собаках,
пихали в штаны петарды и чуть не сожгли]

В борьбе с пробками власти запретили
Директор оперного театра заподозрен
Поэт Виктор Иванів утром выбросился из окна своей квартиры
Новосибирец с горлышком бутылки в руке напал на парикмахерскую
...в осквернении образа Христа
Десятиклассник получил пулю в затылок, выйдя из школы
Виктора Иваніва нет

2. ПИСЬМО ИВАНУ П. О ТОМ, КАКОВО «ЕМУ» — «ТАМ»

Зима вот-вот закончится, и тридцать семь закончится,
а он херакс — в окно!

Как Мандельштам в Чердыни не сумел.
Иван, ты был там, оцени-ка: долго ли летел?

Чего успел?

Неупорядочены люди — шасьт в окно!
Не злой же Кремль, скажем, в этом виноват,
а бесы говорят,
трепещут.

Допустим, там чего-то есть.
Допустим — почему бы нет?
Ведь мы ж условились, что смерти нет,
там точно не как здесь,

и там-то, продолжаем, всё восполнено,
неполное заполнено, прямое выгнуто, кривое
гармонично вжато в правильную раму.
Ах, все мы устремляемся туда мы,
ан нет, покамест будем выгибаться здесь,
какие ни на есть,
а там и небо абсолютно голубое,
и ветви там колышутся в покое.

И София Парнок и Белла Ахмадулина
его там любят
женскою любовью.

СВИДАНИЯ

1. СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Обложка найденного в книжном сборника помечена: «Содержит нецензурную брань».

Там, в середине,
автор,
возможно, подражая
поэту Дмитрию Данилову,
расположил
в столбик,
одно
над другим
слова
sunt,
член,
похоть,
ещё раз
sunt.

Его персонаж,
не в силах отлепиться от X. даже ради и Y. и Z.,
мотается между Хайфой и Уссурийском.
Зигзаги такого рода по карте мира мне нравятся.
И всё никак не поставлю на полку книгу с этой поэтизацией недоёба,
потому что её чёрные звёздочки, угловатые буквы, белизна страниц
возвращают мне чувство, аффект, страдание, пережитые,
может, всего несколько раз в жизни:
смотрю на чужой двор из чужого окна.
Эти заборы, засыпанный хламом придомный мирок,
качели, деревья, крыши, этот двор мог бы стать моим.

Но не станет.
Но мог бы стать.
Но не станет.
Но мог бы.

И тут я ещё замечаю, что у автора эта сипт
используется не в обычном словарном значении.
Сипт — это губы.
Это дом.
Это «*всё, наконец, приехал!*»
Это, как в детстве, уют [тёплое одеяло, и всё такое].

ноябрь 2019

2. СВИДАНИЯ

К. Д.

*

приходя к тебе
не надеялся встретиться
но всё-таки встретился

удалось

пожалуйста

от остановки до угла четыреста семь шагов
и там ещё двести шестнадцать
я посчитал их все
выходит бессмысленное число
шестьсот двадцать с чем-то не помню

квартира номер тридцать один четвёртый этаж
я потом жил в квартире номер тридцать один
в другой
точно не помню где

странные ужимки и прыжки цифр в мозге
когда голова звенит

*

Выход из кафе был через магазин.
Высочив на Морской проспект, поцеловались впервые.

Немного малахольный мужик
(узбек? кубинец? мексиканец? помню: неместный),
на встречу с которым ты меня позвала ради подстраховки,
не знал, какие колёса он провернул.

Другой ночью
почему-то приснился атомный взрыв.
Тоже впервые, потом несколько раз опять снились взрывы.
Но тот первый раз я так отчётливо помню:
проснулся, — было темно.

Что началось осенью, то не надолго,
знаешь.

*

В том письме, написанном в темноте,
в пустом (!) самолёте над Атлантическим океаном,
не было ничего необыкновенного.

Ты его не получила — я считаю, что
это значит: успешно сдан некий странный экзамен;
не знаю, кем или чем он «сдан».
Даже рад.
Честно, иногда начинаешь писать и не остановишься.

*

Чтоб волновались юные читатели,
в романах и сериалах бывают сцены
встреч в относительном уединении, вроде дачи
или ранчо;
относительно вечером

алкоголь, все дела, так вот,
это было действительно здорово,
как в хорошем романе для младшего студенческого возраста;
это было действительно здорово,
настолько, что и не верится,
как и должно быть
в романе.

2019

3.

Он сказал: смиренны приходящие с ней,
иногда дуракообразны,
не склонны лобзать термоядерные заряды,
в этом подобны мне — всегда неуместны, —

и мы впитали эти слова путём многократного еженощного
повторения.

Он сказал: приду ли к вам как Она —
или даже приду ли к вам как «они» —
не отворачивайтесь.
Но тут мы уже не поняли.

Тем временем
именно там, на труднодоступном в России портале pornhub,
состоялась никем не замеченная
дискуссия о любви.
О том, из чего она состоит.
Это была содержательная дискуссия.

4. НЬЮ-ЙОРК, 14 МАРТА 2010

Памяти У.

Он вошёл в круг тысячу, что ли, лет спустя, протиснулся сквозь людей,
стоявших плечом к плечу,
и когда она, алхимически огненная, различила его,
не смогла сдержать слёз,
кто бы смог?

Она протянула ладони, и все стали хлопать,
аплодисментами занимая свои ладони. Катя,
почему они хлопали, это не театр оперы и балета, почему
они хлопали, почему
они, когда они это видели, не умерли все
там же, когда она протянула руки, и Улай протянул руки?

5 марта 2020

5. ПОСТСКРИПТУМ К «СВИДАНИЯМ»

Слова, каковыми
такие чувства выговаривать бы пристало,
давно уже вышли вон,
а ты-то их реставрируешь,
о несбыточном говоришь,

а несбыточное — это не хрен собачий.
Скажи мне всё то же самое, но иначе:

как-нибудь так *чтоб былоэ не вспоминать*
чтобы на те же дверные звоночки не нажимать, блестящие
беспроводные,
разные, у кого какие.

2018–2020

***

Бейрут, 1932. За углом — чья-то свадьба,
хором поют незнакомцы «venimos a ver, venimos a ver»,
треск привезённых из пустыни струн,
перебранки. Выходишь за дверь, спускаешься к морю,
пляж перекрыт: шторм? Да, приближается шторм, буря.
Как хорошо! Стоишь лицом к маяку на каменной лестнице,
с планами — как изменить всё.
«Дай мне ещё пять лет, о Грация, дай мне ещё пять лет!»
Ещё пять лет, и тогда. Но Европа — за морем,
Европа нетерпелива. Свадебные призывы,
чайки кричат, берег шуршит внизу. Ветер
меняется на глазах. Вечер такой, что будут
в лавчонках трястись ставни. Как хорошо! Venimos a ver,
Ke gozen i logren i tengan muncho bien.

РОМАН ГРЭМА ГРИНА

Вот встретились они, за эти восемь лет он свирепо валял дурака в Navy и пил в Кейптауне, она ухитрилась принять католичество, но без толку, спалила отцовский дом в Йоркшире с двумя котами, побывала в Сайгоне, написала роман. Теперь восемь лет спустя в Будапеште. Он в пути на Балканы по делам новой службы (это серьезней, чем Форин-офис), она в перебежке от проходимца к проходимцу, и вот они уже идут по Цепному мосту, разговаривая без слов, покупают в лавочке кольца, бросают в Дунай. Ночь, Восточный вокзал. Тут бы роману и кончиться, но он продолжается, продолжается. Это тридцать восьмой, а потом война, он умирает в госпитале в Каире, она вспоминает своё католичество, и это уже, это уже смешно. Хотя может выясниться, это-то вовсе и не смешно.

ЖЕНЩИНА СО СТЁРТЫМ ЛИЦОМ

Женщина со стёртым лицом,

она

чья-то жена.

Они там сидят по вечерам,

в экраны глядят, говорят о чём-нибудь, да.

Он любит её, что ли?

Дом у них свой, и прошлое, — блёстки слюды на изломе

куска гранита, да.

Она

тоже как-нибудь с ним живёт, почему

— ничего

я не знаю.

18 апреля 2020

СОМНЕНИЕ

праведники последних времён
наивысшими нарекутся

Но как же оставить — ?..

.
. .
.

Праведники последних времён,
претерпев, наивысшими нарекутся.

Но как же оставить
эту женщину зеленоволосую,
с неприрученными жёстами,
с пересыпаемым ею с ладони в ладонь песком?
И — река, что будет с этой рекой?

— Неужели никак,
никак —
не отвертеться?

А те, парни первых веков,
сирийской пустыни, синайских ущелий, они
были попросту толстокожее

.
. .
.

[когда я пишу такие стихи, я часто
ставлю в конце вопросительный знак.
Я не знаю, надо ли и здесь поставить в конце вопросительный знак].

***

Можно ли описать мать.
Облака дыма помоечного пожара,
в голове теснящиеся с руинами выброшенных стеллажей
(библиотека закрыта, варвары съели библиотекаршу).

Можно ли описать мать в её шевелении.
Человек, похожий на нищего,
в метро говорит: я на почте работаю, денег нет, голодаю, однако никто
не верит ему. И он
из вагона в вагон.

А там, куда ты направляешься, — там тебя ждут, уверен?

Июнь 2015

***

Так, сделаешь какую-нибудь гадость,
уедешь далеко, уж так сложилось,
возвращаешься назад через пятнадцать лет и три с половиной месяца,
да и то случайно, а
уже никого. И в руинах некому кричать «ого-го!», и вообще...

И вообще. А что там было, мелочь, там —

А вот и фотка, групповая, будто впрок запасена,
чтоб прикидывать через пятнадцать лет: тот уже в раю, а та —
в аду, и тот, скорее всего, в аду,
а та едва ль в аду, но там поди, там где-нибудь,
на полпути куда-нибудь.

2014–2017

ИНТИМНАЯ ИСТОРИЯ

Интенсивность переживания — как описанная давным-давно уже

Классиком:

за футболкой на рынок сходишь, и день прикончен.

И выход за хлебом переживается драматически

без скидок. Завтра июль, и как сквозь него продрасться?

Лето — придумано для сомнений.

В тёплой маршрутке сразу же после дождя —

пахнет болотом, уютно. И зелень, —

как в детстве: палатка на берегу,

мягкая пасть со спальниками, точь-в-точь эта зелень

на той стороне, и всё впереди.

С ПУСТЫМИ РУКАМИ

Другу

Разрешить себе ничего не хотеть, кроме того и этого,
канона, друзей, приезжающих иногда,
и — выйти наконец туда, где стоял на остановках, сжимаясь,
где проскакивал, как снегирь.

Вникнуть в детали, теперь-то позволив себе неподвижность
(замерзшую), стоя, сидя,

как Догэн, вернувшийся из-за моря
с пустыми руками, — достаточно было уметь сидеть неподвижно.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТОСЛАВУ ОДАРЕНКО, О ЖИЗНИ

*В падающих самолётах нет такой науки, как орнитология.
Андрей Сен-Сеньков*

Те, которые были
«япоэтэтиминтересен»,
их потом расстреляли.
Мы смотрим в музее на артефакты руин их жизней —
вот они-то уж погуляли!

А вот бы они пережили [27, 37, 55], мы бы от них узнали,
как жизнь превращается в свиток себя самой,
и с чего ни начни, прибудешь к той самой сцене,
с тою же самую недорогой ценой.

Только представь себе: пожилой предынсультный Джим М.
приезжает на пару дней в Москву торговать собой,
сожалея о той о непрожитой жизни, о той неслучившейся
скорой смерти.

Ему-то за что, казалось бы, это всё?

В конце-то концов, не сводится ли вся жизнь к тому,
что куда ни иди, куда-нибудь попадешь?
Если к этому сводится, то бесполезна наука эсхатология:
напоминает заветный козьмапрутковский порох непромокаемый.
И свидетельствует о лучшем в тебе и во мне, как под стеклом
на полке детский солдатик.

III

СТИХИ 2022 ГОДА

СТАРОЕ НОВОЕ СЛОВО

Читая в киевском метро, которое сейчас
используется как бомбоубежище, «два часа назад родился
ребёнок,
девочка»,
я, отец двоих дочерей в ожидании третьей,
как ты думаешь, я на чьей стороне —
старика, который из суперсекретного супербункера
стратегической мыслью направляет бомбардировщики,
или женщины, рожаящей в бомбоубежище?
Да, насчёт НАТО, национализма, фашизма.
Ну, слышал уже я этот пиздёж: про НАТО, национализм
и так далее
про фашизм.
Кстати: фашизм.
Интересное слово: фашизм.
Очень интересное слово,
если наконец произнести его в полный голос.

26 февраля 2022

ЗАДУМЧИВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗИМЫ

Надо ли говорить
соседям, что скоро
начнётся такой пиздец,
какого никто из нас
ещё не видал, и будет
длиться, покуда рак
на горе не свистнет, то есть кому-то
хватит его, пиздеца,
возможно, на всю нелёгкую жизнь?

Или не говорить,
что вообще-то война,
что Киев бомбили в четыре часа
вчера и позавчера,
что парни, которые там погибают, они,
скорее всего, как это в России принято, пропадут
без вести?.. Соседи,
добрые люди с делами, долгами и заморочками,
совсем не нуждаются в таких
невразумительных
сообщениях.

К тому же никак невозможно
вообразить себе то, чего
никогда не видел, разве что в детстве —
но в детстве, я помню, в хлебном
было только два сорта хлеба, белый и чёрный,
плюс рогалики. Этот пиздец,
то есть то, что заранее можно назвать этим словом,

будет выглядеть совершенно не так, как выглядели
те, наступившие после детства,
многих страшные «девяностые».

Что вообще
можно сказать
соседям
в такие дни?

*«Наша вера, наша надежда, наша первая любовь! —
(пел Денис Третьяков), —
всем нам будет очень плохо,
а сейчас нам похуй».*

Как в воду глядел.

***

вот идёт молодой парень,
дней пять не брит
а в ладони у него серёжки девичьи
золотые с камешком зелёным
но ведь не сама же она их ему отдала
мамин подарок может или папин

заставил отдать или скорее вырвал из ушей
да как же а у него ствол и форма на нём военная
но ведь не сам он её надел

а мужики постарше в такой же форме получше
с двумя полосками на погонах
одеди его и отправили
выживать
вот он и выживает

но ведь не сами они это придумали мужики
не злые хотя и не добрые тоже
они в таком доме сидят там на втором этаже собес
а на первом военкомат
собес работает
и они работают как умеют

этот с чужими серёжками окровавленными всё равно не жилец
а эти у них ещё есть какая-то перспектива
да ведь не сами они себе её соорудили
машина работает

в нескольких остановках от них моё альтер эго сидит себе за ноутбуком
прочитал во фейсбуке пост философа

Анатолия Валериановича Ахутина

из Киева

об европейской цивилизации

варварстве

и так далее

обдумывает концептуальное возражение

заняты все

каждый своим делом

7 апреля 2022

«СИЛА ЧЕРЕЗ РАДОСТЬ»

Дмитрию Королёву

1.

Новые поколения россиян
поедут отдыхать на море
в освобождённый Жданов (бывш. Мариуполь)
так же, как до них многие поколения
в Туапсе
(что в переводе с адыгского означает «двуречье»).

2.

Давайте говорить о геноциде!
Давайте уже поговорим и о геноциде.
Не желаете
говорить о геноциде?
Давайте тогда, о чём там модно
разговаривать этой весной: о Стамбуле
(Константинополе), об Ереване...

3.

Говорят, любой человек хоть в чём-нибудь прав.
Ну что же, читаю трактат одного людоеда
о философии Достоевского — и, знаете, кое в чём
прямо-таки не могу с ним не согласиться.

4.

Если не сообщать о потерях,
любая война победоносна.
Противник уже истекает кровью, и танки,
наши танки,
так и рвутся вперёд!

5.

Есть и такая реальность, в которой потери — это
трагедия, это недоразумение, это
неизбежность, это
психологическая операция, это
не ты и не я. В общем, их нет.

6.

Радость вернётся, когда мы всё это забудем.
То будет радость обретаемой вновь невинности.
Уж чего-чего, а невинность
у нас никогда никогда
не отнимет.

Апрель 2022

***

особые фотографии оттуда
окровавленные игрушки

вот лошадка вот пистолет наган вот деревянный домик
ими уже не будут играть
они подойдут для музея

потом
они заговорят
и скажут
свои слова

эта лошадка та обезьянка тот слоник
назовут имена
имена

8 апреля 2022

***

Сергею Шубе

и не записать
услышанных
нечаянно воспоминаний

как он её называл что она говорила
где встречались
кого не хватало до полного счёта

не дослушать

и не посмотреть
что там за посёлком что за холмом
ну не за холмом за возвышенностью
там впереди по дороге
чуть выше которая

обуви нет
не сезон и вообще
отвлечения

это и есть
понимаешь
леность духовная

а вот этого чувства
я до сих пор
не
знал
когда хочешь на родину

и
не можешь на родину

*
куда вообще говоря
куда

6 мая 2022

ЛЕТО — 2022

1. ИЮНЬ

Оккупированные территории
стали освобождёнными.

Так пришло лето. Уничтоженный бомбой театр
встретил пляжный сезон обновлённой сценой,
новыми постановками.

Офицер оккупационной армии,
в руках повертев репродукцию
«Герники», спросил Пикассо:
«Это вы
сделали?»

Согласно легенде, тот отвечал:
«Это вы
сделали».

На картине изображены распавшиеся тела,
бессильная смерть,
и на краю можно увидеть самого этого офицера,
занятого утренним умыванием.

Тот приобрёл репродукцию и отправил семье
вместе с парой чьих-то изящных зубных протезов
старой работы.

Дома эту посылку принял в свои объятия

их настоянный на заботе и выдержке семейный быт.
И каждой вещи нашлось своё место в доме.

Так в этом июне к нам возвратилась нормальность.

20 июня 2022

2. ИЮЛЬ

*Леса возвратно-поступательно
Гремят в негромкоговорителе.
На небе небезосновательно
Сгустились стёкла унижительные.*

*Прицелы, узнанные друг другом,
Скрестят в подопытной купальне
Нас, мойдодыров: чёрных духом
Отчаянников неумывальных.
Вадим Волков, 2018*

Середина лета, все пылающим солнцем накрыты, как одеялом.
Это солнце мы знаем — под ним уже ни шевелиться,
ни возникнуть не может. В лугах благодатных,
предками данных, разнотравных,
где повилика вяжет и душица веет,
праздные бродят фигуры в белом —
стараются продолжить существовать.

Водят они хороводы,
ладони в ладонях держат,
в потных, недоверчивых, родных.
Песни поют, а что же им не петь эти псалмы многогласные,
оплакивать побеждённый Ерусалим,
призывать младенцев убить о камни?
Это запросто! Вот и поют они — так весело и так страшно,
что потом уже и не весело и не страшно.

Ну, ничего! Под сжигающими лучами
мы ведь всегда так живём:

кушаем травку, купаемся в водохранилищах,
развлекаемся понемногу.

3. АВГУСТ. ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ ДЕТСТВА

Привет, Саша, такие дела.

Край наш степной, лесной, окраинный, знаешь,
особенное что-нибудь редко случается,
а сегодня решил посмотреть я новости родного города,
а там — как раз награда нашла героя.

В общем, некий чувак отсюда, не то лейтенант,
не то уже капитан, неважно, —

в общем-то наш с тобою ровесник, в Сирии воевал,
был миротворцем в Нагорном

Карабахе, ну и, короче, убили его под Харьковом,
ещё в марте. А тут показывают церемонию награждения:
присвоено наконец-то ему звание Героя России.

За что именно удостоен —

государственная тайна, но

в телевизоре сказали, есть слухи, что

он в окружении подпустил к себе ближе нескольких и сам
же себя подорвал гранатой.

Вроде того. Но на самом деле суть подвига не разглашается.

И вот, значит, теперь, замечательный наш земляк, и
там выступал губернатор, кажется, никак не могу запомнить
его внешность и как зовут (ну,

был же у нас уже один губернатор со звонким именем, —

так в могиле),

ну да, — губернатор. Он тоже сказал, мол, вот,

героический наш земляк, ну и

там ещё много военных в ихней военной форме.

И вдруг показали, может, на пару секунд, женщину лет ста,

в чёрном, то ли она сидела, то ли стояла,

держала большой плоский тяжёлый предмет —

портрет, что ли, лицом к себе, и как-то бессмысленно

его теребила пальцами,

потому что держать его ей было, видимо, неудобно,

и как же больно было на неё посмотреть, —

то есть это была его мать. Сразу опять
показали военных в красивых формах,
а потом был сюжет о том, что в нашем городе
тренируются ватерполисты
аж из Москвы, были включения интервью с ними,
и они рассказали, что
их замечательно здесь принимают, что утром у них пробежка
в сосновом лесу, разминка
на берегу реки, и что бассейн очень хороший, и водное поло явно
здесь развивается, ведь каждый год из нашего города поступают
в школы Олимпийского Резерва,
и что поэтому важно, чтоб секция водного поло работала
на бюджетной основе.
Так и сказали. Короче, такие вот новости нашего города
сегодня вечером я посмотрел,
понимаешь.

Вероятно, здесь конъектура

То, что не сохраняет свое значение в катастрофе, просто не существует. Особенно это верно по отношению к словам и жестам. Слова на войне вовсе не инфлируют — напротив, приобретают вес. Если, конечно, содержат выход в иную оценочную реальность. Если ориентируют, направляют, мотивируют прожить ещё один день.

Право на речь создаётся вовсе не чувством собственной правоты — ложными могут быть и правота, и чувство. Это право создаётся потребностью в сохранении достоинства и социальности. Война разрушает солидарность и отнимает свободу. Слово поэта возвращает в реальность, где не стыдно быть, где ценности ценны.

Поэзия о войне — это опыт масштабирования, соизмерения себя с историей и её шоками. Опыт личного небытия перед разрушающейся реальностью всем знаком из книг. Ещё недавно казалось, что только из них он известен и будет. Фантастичность нового времени — в затронутости каждого неотменимой реальностью регресса.

Сегодня стихи, как и любая другая творческая или аналитическая практика, — это прежде всего работа вразумления, приведения себя, своего ума и своих чувств в рабочее состояние. Это вовсе не ерунда — это условие любого осмысленного действия. Не выживания, конечно, но сохранения себя в качестве человека.

Читать и обсуждать книги в катастрофическое время — не безнравственно. Безнравственно выносить оценки, пользуясь готовыми словами в неготовой реальности. Поэзия сейчас — дневник сопротивления культурной инерции. За ночь мир распадётся, и будет безответственно не постараться его собрать. Может не получиться.

Книга Михаила Немцева — про невероятное, ставшее обыденностью; про чужие воспоминания, описывающие твой завтрашний день, про гротеск, обернувшийся языком репортажа. Война здесь началась не вчера; трудно даже сказать, когда и в связи с чем: так условна фигура врага, так неважна причина, так невинна цель.

В книге объединены стихотворения разных лет, и она лишь отчасти — про сегодня. Соблазнительно было бы сказать, что она про предвидение, но это не так. Скорее, про растворённость насилия и нетерпимости в (пост)советской реальности, которая, несмотря на все перемены, так и не смогла развязаться с ресентиментом.

Речь идёт о разных войнах, но, как правило, в связи с моделированием типовых ситуаций: утраты своего «я»; неоказания помощи беззащитным; соблазна малодушия и предательства; общей вины и общего стыда. Герой книги — человек не на высоте, испуганный и ошибающийся; всегда «чужой», иногда — «каждый».

Один из важнейших вопросов, который связывает разные сюжеты, — вопрос об альтернативах — в принятии решений, в вариантах конца. Но альтернатива предполагает отстранение, а книга больше рассказывает про вовлечённость в событие и про внутреннюю готовность оказаться на месте обесчещенного и мёртвого.

«Время ломает уюты, стены, расчёты, лбы. / Орудует топором». Как в этой ситуации воспроизводится «самость, идентификация, identity, самосвідомість»? Что происходит с памятью — своей и общей, сохраняет ли она связность? «Солдат осматривает его, находит / конверт, извлекает письмо, / оно ему не нужно, и он уходит».

Самое удивительное в этой книге — её интонация: раздумчиво-саркастическая. Кажется, совсем непредставимая в книге про зло. Ирония здесь — отражение разрыва между посылкой и следствием, между сознанием и реальностью. В ней — сила изумления, растерянное «ого!» наблюдателя-грёзовидца.

«Кино» в книге — условный знак ирреальности; кинематографично и увиденное, и придуманное. «Снимать» — прозревать, разгадывать устройство событий. Это прозрение обращено здесь и вперёд, и назад; и оно не всегда имеет форму утверждения: «Когда я пишу такие стихи, я часто / ставлю в конце вопросительный знак».

Военная тема в книге — объединяющая, но не единственная, за ней просматривается более широкий контекст непредсказуемости и вариабельности жизненного сюжета. Можно сказать, что это ещё и книга о театре бытия, о tellability странствий и перевоплощений, изумляющих и героев событий, и рассказчика.

Это рассказывание не замкнуто на себя, у него почти всегда есть адресат. Слово здесь проговаривается на миру и осуществляется в момент вручения — Денису Грекову, Яну Левченко, Сергею Васильеву, Алексею Миноровскому, Ирине Бондас, Ксении Голубович, Дмитрию Королёву, Екатерине Ким, Святославу Одаренко, о. Овсепу Меликсетяну, Сухбату Афлатуни (Евгению Абдуллаеву), Сергею Шубе и, конечно, нам с вами.

Александр Житенёв

Содержание

I

ЕСЛИ БЫ Я СНИМАЛ НАСТОЯЩИЙ ФИЛЬМ ПРО ВОЙНУ

Положа руку на сердце	5
Россия жжётся	6
Две ложки	7
Смерть	8
«Телепроект с чёрной, но влекущей поэтикой ада здесь-и-сейчас...» ...	10
Посвящается Збигневу Херберту	11
Война на экране	12
Время	20
«Да, говорите, били! Но...»	22
«А я полагаю, необходимо...»	23
Жизнеутверждающее стихотворение	24
«Если бы я снимал настоящий фильм про войну...»	25
Человек	26
Всё, что я знаю о войне	28
«Как-то так: на улице Чайную, под горой, в дом за Старыми банями...» ..	29
Не жаль	30

II

САМОЛЁТЫ ЕЩЁ, ГОВОРЯТ, ЛЕТАЮТ

«А вот, написать бы стихотворение, как...»	35
«Два представителя “местных”, — он и она...»	37
«В декабре сорок первого года они...»	38
За далью даль	39
А потом	40
К Ю. и К.	41
«Канувшие, и...»	42
Слава изобретателям!	43
Эссеист на даче. Подмосковье, август 1981	44
Архивист на даче. Вильнюс или Варшава, 1981	46
Антикарательные рассуждения на три такта с эпиграфами из песни Михаила Щербакова	47

